

Образование в «цивилизованном» мире привели к такой форме, когда детей в школе не тянут вверх к знаниям, а опускают вниз к банальной зубрёжке без малейшего понимания. Из детей таким образом производят человекообразных рабов...

Данная статья написана под впечатлением прочтения книги Айрата Дмитриева «Классная Америка». Наш соотечественник несколько лет проработал учителем в школах США, и на собственном опыте понял, как из нормальных детей делают послушных, покладистых «зомби»-потребителей с простейшими запросами. Книга получилась очень интересной и содержательной, но в небольшой статье удалось изложить лишь несколько примеров, основы программирования...

Среднее образование в Америке трехуровневое: начальная школа (Elementary School) – первые пять классов, средняя (Middle School) – шестые-восьмые классы и высшая (High School) с девятого по двенадцатый класс. Несмотря на то, что эти школы разделены как административно, так и территориально, все они вертикально интегрированы. Как правило, две-три начальные школы относятся к одной средней, куда переходят ученики этих начальных школ после их окончания. Соответственно, средняя школа в два-три раза больше начальной. В свою очередь две-три средние школы завязаны на одной высшей школе. Мой опыт ограничен работой в двух высших школах: Westbury High School (одна из худших в районе), куда я был распределён вместе с Сашей Миронычевым, и Lamar High School (одна из трёх лучших), куда мне чудом удалось перебраться после года работы в первой. Кроме того, я немного знаю о ситуации в других школах по рассказам коллег.

Учебный процесс в Америке построен принципиально иным образом, нежели тот, к которому мы привыкли. Прежде всего, школьный курс длится не десять лет, а двенадцать. Ученики идут в школу в первый класс в возрасте шести лет, а заканчивают двенадцатый в 17-18 лет. По возрасту учеников двенадцатый класс соответствует первому курсу наших вузов. Кстати, в американской школе учеников называют student, а не schoolboy или schoolgirl, как нас учили на уроках английского, поэтому я буду использовать слово «студент» вместо привычного нам «школьник».

Самое первое, что можно и нужно сказать об американских школьниках, это то, что они совершенно не похожи на детей российских. Для нашего человека они как люди с другой планеты. К тому же, не похожи друг на друга, прежде всего в силу различной этнической принадлежности. Если сравнивать этнический состав взрослого населения Хьюстона, то на данный момент три основные группы – белые, чёрные и латино – представлены примерно одинаково. Причём белых чуть меньше, а латиноамериканцев чуть больше трети. Однако уже в ближайшем будущем это равновесие будет нарушено. Помимо трёх вышеупомянутых этнических групп, очень много представителей стран Юго-Восточной Азии. Одним словом, полный интернационал. Эта ситуация создаёт американцам достаточно много проблем. И именно мультирасовость является одним из важнейших моментов, определяющих как суть, так и форму образовательного процесса в школах Хьюстона.

Идеология на службе разрушения образования

Отправной идеологической точкой американского образования является постулат о равных возможностях, являющийся, наряду с постулатом о неприкосновенности частной собственности, одним из столпов американской Конституции. Будучи приложенным к институту образования, этот постулат декларирует, что все дети в стране имеют равные возможности на получение образования, независимо от уровня доходов, социального положения, национальности и пр. По сути дела, это попытка претворить (или сделать видимость претворения) в жизнь сугубо коммунистического принципа в капиталистической стране.

Второй постулат не прописан в Конституции, зато им пестрит педагогическая литература: «Несмотря на различные природные способности (английский аналог русского понятия “умственные способности” в американской педагогике отсутствует. – Авт.), каждый ученик может учиться». Другая версия этого утверждения: «Все имеют одинаковые способности, просто они выражены по-разному».

Совершенно логично, что если все дети в стране имеют одинаковые шансы на образование и одинаковые способности, то они должны иметь и одинаковые знания, как результат реализации этих шансов. На практике люди понимают, что шансы совсем не равные, а способности и подавно. Между тем, продекларированные принципы требуют постоянного подтверждения своего претворения в жизнь. Как это можно сделать? Очень просто: заменив два уже приведённых постулата третьим – «Каждый ученик способен учиться и каждый ученик в американской школе может и должен достичь успеха (success)».

Американцы очень любят это слово success, делая акцент на том, что успех в школе – это начало успеха в большой жизни. Здесь происходит завуалированная подмена понятий: право на качественное образование подменяется правом на success. Якобы это одно и то же. Мол, какая разница, у кого какие возможности и способности, если в итоге у всех одинаковый success? А что является мерилем этого успеха в школе? Конечно же, отметка! Значит, у каждого ученика должна быть хорошая оценка. Ставить двойки, де факто, запрещается (Н.Г.).

Ответственность за выполнение этого принципа возлагается на школу, то есть на директора и учителей. В том, что ученик не успевает, виноват не он сам и даже не его семья, а учитель и школа, так как априори считается, что сила американского государства настолько велика, что может из любого ученика сделать преуспевающего члена общества.

Этим утверждением о равенстве возможностей и способностей американская педагогика сама себя загоняет в тупик. Ведь что из него следует? А то, что высокий процент неуспевающих детей свидетельствует о недоработке государства, а точнее, тех чиновников, которые поставлены государством на столь ответственный пост – следить за выполнением этого принципа. Такого в демократическом государстве быть не должно. Только представьте себе, как далеко здесь можно зайти... Ведь сразу может

возникнуть вопрос: а какие дети наиболее успевающие и какие – наименее? Возникнут попытки анализа и классификации. Представляете, что из этого может вырасти?! А вдруг выяснится зависимость между социальным положением родителей и успеваемостью их детей? Или что различие умственных способностей зависит от расы? (Н.Г.) Тогда вообще беда! Тогда под сомнение попадает главный постулат о равенстве возможностей. А это уже бьёт по самим устоям старейшей демократии в мире!

Умные люди прекрасно понимают, что декларируемого равенства возможностей в сфере образования в Америке на самом деле нет. Равенство есть для тех, кто образования получать не хочет, кто приходит в школу для того, чтобы провести день с наименьшими потерями. И есть одинаковые возможности получить стандартное, очень поверхностное образование и превратиться в исполнительного, законопослушного, неспособного самостоятельно мыслить гражданина

Калейдоскоп вместо последовательной учебной программы

Ещё одно существенное отличие американского и российского образования. Ещё сильнее отличается учебная программа в смысле организации и последовательности изучаемых предметов. В России все основные предметы изучаются каждый год. Математика изучается все десять лет: с первого класса по десятый (теперь уже одиннадцатый), физика – пять лет подряд, химия – четыре года, биология – вообще шесть лет. Программа построена так, что один и тот же материал в какой-то степени повторяется из года в год. В старших классах те же самые концептуальные понятия преподносятся уже на более высоком уровне, чем годом ранее.

В Америке всё не так. Программа здесь построена по блочному типу. Возьмём естествознание. С четвёртого по восьмой класс этот предмет называется Science. По содержанию он очень похож на наше природоведение, хотя и содержит элементы химии и биологии. Здесь пока всё как у нас. Но вот после восьмого класса Science уже распадается на независимые предметы: биологию, химию и физику. Причём эти предметы не идут непрерывно по несколько лет, а преподаются блоками по одному за год.

В России акцент делается на преподавании теории и фактического материала. Мы предлагаем ученикам теорему и способ её доказательства. Для умственной деятельности даём задачи и примеры. Американцы считают более важным привить навыки решения сугубо практических задач – real life problems. Считается, что если студент умеет решать поставленные задачи, то фактический материал всегда можно найти в литературе.

Это, конечно, не лишено смысла. Общеизвестно, что российское образование слишком теоретизировано и что неплохо бы приблизить его к конкретике. Но американцы не понимают (или делают вид, что не понимают): если фактических знаний полный ноль, то алгоритмы решения задач просто не к чему приложить. На самом же деле, из реальных знаний ученик получает лишь умение читать и писать и ещё некоторые самые примитивные навыки.

В российской школе на уроках естествознания мы сначала в достаточно большом объёме даём эмпирический материал, который впоследствии обобщается в правила, теории и законы. Таким образом, наше образование выстроено в полном соответствии с историческим развитием науки. Американцы же, наоборот, сразу вываливают глобальную теорию или закон при минимальном количестве рассмотренных в подтверждение примеров. Фактический материал – такой, например, как конкретные свойства конкретных веществ, не изучается вообще. Видимо, считается, что этим не стоит забивать студентам голову. Вместо этого предлагается учить основополагающим законам, по которым вещества реагируют друг с другом.

По сути дела, они запрягают телегу впереди лошади, или, точнее, вообще без лошади. Без конкретных примеров общие законы не могут быть поняты и усвоены. Занимаясь этим каждый день и имея возможность сравнивать, я очень хорошо вижу и понимаю это.

Вместо знаний сплошной фан

Основной подход к образованию в Америке заключается в том, что процесс обучения должен быть удовольствием. Американские ученики ходят в школу, чтобы получать удовольствие. To have fun – как они сами это называют. Образовательный процесс должен быть увлекательным, интересным и ненапряжённым. Противное считается насилием над ребёнком.

Понятно, что усиленный мыслительный процесс не может быть «фаном». Это американским ученикам противопоказано. Если же в процессе обучения мыслительного процесса нельзя избежать совсем, то он должен быть сведён до минимума, а за ним обязательно должно следовать поощрение в виде высокой оценки за решённую задачу. Очень популярны и более простые и понятные способы поощрения учеников, например, в виде конфетки за правильный ответ с места. В противном случае для американского школьника пропадает смысл обучения, так как знания сами по себе не являются ценностью. Учебный процесс без вознаграждения за труд перестаёт быть «фаном».

Сидеть подолгу над одной задачей не в их правилах. Во-первых, это требует напряжения. Во-вторых, тот факт, что ученик сидит долго над задачей и не может её решить, свидетельствует либо о плохой работе учителя, либо о низких умственных способностях ученика. А вот это уже непорядок. Такого в демократической стране быть не должно.

Думаю, что одна из главных целей упрощения образовательного процесса и низведения его до примитивного игрового уровня состоит в том, чтобы завуалировать разницу в уровне подготовки и умственных способностях студентов. На самом деле, эта разница огромная, с пропасть. Поэтому учитель вынужден давать такое задание, с которым заведомо справятся все. Очень часто это либо игра, либо какая-нибудь поделка на уровне урока труда в четвёртом классе. В результате, все остаются довольны, а ученики даже не успевают осознать, каким примитивом занимаются. Они пребывают в полной уверенности, что раз они в школе, то учатся. Студенты не понимают, что реальных знаний по изучаемому предмету не получают... Трудно себе представить, что те люди,

которые управляют этой страной, не в курсе происходящего в средней школе. Я постепенно прихожу к выводу о том, что нынешнее положение вещей в американском образовании очень мудро срежиссировано и виртуозно поддерживается.

Учителя – образовательная услуга

Обозначим ещё одно существенное различие двух образовательных систем: российской и американской. В центре российской системы образования стоит учитель. Авторитет Учителя и уважение к Учителю – основные слагаемые российской школы и культуры в целом. Несмотря на то, что в последнее время ситуация с этим меняется не в лучшую сторону, в целом уважение к учителю у нас – часть менталитета нации. Сама этимология русского слова «учитель» отличается от английского teacher. Слово «учитель» может одновременно быть использовано для обозначения духовного наставника. Teacher – это скорее инструктор, который просто нанят для оказания образовательных услуг.

Пожалуй, ни в одной другой стране мира это не выражено так ярко, как здесь, где абсолютно всё поставлено на основу товарно-денежных отношений.

На мой взгляд, именно этот момент и является одной из основных причин низкого уровня школьного образования в стране. Чему может научить учитель, у которого нет авторитета? Учитель без авторитета – это не учитель, а именно инструктор. Настоящего учителя слушают с замиранием сердца и беспрекословно исполняют все его указания. Инструктора же можно слушать, а можно и не слушать. За всё уплачено. Услуги инструктора можно принять, а можно отказаться и принять услуги другого. Клиент всегда прав. Что интересно, сами американцы этого не понимают. Они продолжают выдумывать, что же ещё можно сделать, чтобы ученику жилось ещё лучше, чтобы ученик прилагал ещё меньше сил, получал ещё больше «фана», а знания его улучшались.

Странно, но конечный результат работы учителя в виде реальных знаний учеников никого не интересует. Самая главная задача учителя – чётко и беспрекословно выполнять инструкции.

Инструкции важнее разума и морали

Здесь распоряжения руководства не обсуждаются, а выполняются чётко и в срок. В первые дни для меня это было очень непривычно после нашего российского разгильдяйства. У каждого учителя и административного персонала есть чёткие служебные инструкции, согласно которым они должны действовать. Любое отклонение от этих инструкций недопустимо. Это одна из основных составляющих ментальности американцев – следование инструкциям. Причём это возведено в категорию морали, а не просто хорошее или плохое исполнение служебных обязанностей. Следование инструкциям – хорошо. Нарушение инструкций – плохо. Никого не интересует конечная цель. Результат следования или несследования инструкции не имеет значения. Если ты нарушишь инструкцию и добьёшься положительного результата, этого никто не заметит. Но вот если ты просчитаешься, и результат нарушения инструкции будет

отрицательный, тебя накажут очень сурово, вплоть до увольнения. Совершенно неуместны попытки разобраться в ситуации, проявить человечность, попробовать решить что-либо с позиций добра и зла. Человеческий фактор исключён полностью. Причём эти правила распространяются не только на учителей, но и на учеников.

Один маленький пример. У меня в классе во время урока громко разговаривает чёрная девочка. Честно говоря, это уже и не девочка вовсе. Ей 18 лет, и она должна бы быть в двенадцатом классе. Но, видимо, в прошлом году завалила несколько предметов и поэтому оставлена на второй год, теперь числится в одиннадцатом. Это говорит о том, что проблемы у неё не только с химией. В девочке 180 сантиметров роста и не меньше 100 килограммов веса, а то и все 120. Так вот, я делаю ей одно замечание, другое. Ноль внимания. После того как замечания не дают результата, я, следуя инструкциям, вывожу её из класса для приватной беседы в коридор, и там случайно наталкиваюсь на проходящего мимо завуча.

Завуч, видя, что начинающий учитель в нестандартной ситуации, интересуется, в чём дело, я всё вкратце объясняю. В ответ девочка начинает утверждать, что не делала ничего дурного. Мол, все разговаривают, и она совершенно не понимает, почему я привязался именно к ней. Это у них наиболее частая отмазка – «все разговаривали». Но я это уже проходил и потому вполне педагогично замечаю: «Бритни, мы сейчас говорим не обо всех, а конкретно о тебе. Ты должна отвечать за свои поступки». Она знает, что таковы правила: коллективное не снимает персональной ответственности.

Девочка в лёгком замешательстве. «Я помогала Тиффани, так как она попросила меня объяснить ей непонятную задачу», – изобретает она на ходу после недолгой паузы. Тут уже я в замешательстве. Я ещё не знаю, как это крыть. Но хорошо знает завуч. «А ты спросила у учителя разрешения помочь твоей подруге?» – спрашивает она её. Девочка опускает глазки и говорит виноватым голосом: «Нет». Она вспоминает, что есть такая инструкция – спросить разрешения у учителя. Она эту инструкцию нарушила. «В следующий раз, если захочешь кому-то помочь, – педагогично продолжает завуч, – спроси разрешения у учителя, и тогда тебя никто ни в чём не обвинит».

Очень надеюсь, что мою книгу прочтут и люди, занятые реформой отечественного образования. Это тем более важно, что в качестве модели сегодняшней реформы, как мне кажется, используется именно американское образование. Во всяком случае, такое впечатление создаётся по прочтении ряда статей, появляющихся в профильных российских СМИ. К сожалению, в ходе нынешней реформы перенимаются подчас далеко не самые лучшие и сильные стороны американской системы. А разрушается как раз то, чем наша школа славилась, что нарабатывалось десятилетиями.

[Николай Горюшин](#)